

Содержание

9	Предисловие
17	Сказка о купце и духе (ночи 1–2)
17	Первая ночь
21	Рассказ первого старца (ночь 1)
24	Вторая ночь
27	Рассказ второго старца (ночь 2)
32	Рассказ третьего старца (ночь 2)
35	Третья ночь
35	Четырнадцатая ночь
44	Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах (ночи 45–145)
44	Сорок пятая ночь
52	Сорок шестая ночь
59	Сорок седьмая ночь
71	Сорок восьмая ночь

76	Сорок девятая ночь
88	Ночь, дополняющая до пятидесяти
106	Ночь, дополняющая до семидесяти
108	Сто четвёртая ночь
114	Сто пятнадцатая ночь
121	Сто тридцать шестая ночь
130	Сто шестьдесят девятая ночь
135	Сто восемьдесят пятая ночь
139	Двести седьмая ночь
142	Двести тридцать вторая ночь
149	Двести пятьдесят пятая ночь
154	Двести шестьдесят девятая ночь
159	Двести восемьдесят девятая ночь
164	Триста восемнадцатая ночь
169	Триста тридцать третья ночь
174	Триста сорок первая ночь
179	Триста семьдесят четвёртая ночь
185	Рассказ о влюблённом учителе (ночи 402–403)
185	Четыреста вторая ночь
188	Четыреста десятая ночь
190	Четыреста двадцать восьмая ночь
195	Четыреста тридцать восьмая ночь
200	Ночь, дополняющая до четырёхсот шестидесяти
205	Четыреста семьдесят четвёртая ночь
207	Четыреста восемьдесят пятая ночь
211	Пятьсот вторая ночь
216	Пятьсот двадцать четвёртая ночь
220	Пятьсот тридцать девятая ночь

225	Пятьсот шестьдесят вторая ночь
230	Пятьсот восемьдесят девятая ночь
234	Шестьсот четырнадцатая ночь
239	Шестьсот тридцать первая ночь
245	Шестьсот пятьдесят первая ночь
249	Ночь, дополняющая до шестисот восьмидесяти
252	Семьсот первая ночь
257	Семьсот шестнадцатая ночь
263	Семьсот тридцать пятая ночь
268	Семьсот пятьдесят шестая ночь
275	Семьсот шестьдесят четвёртая ночь
281	Семьсот девяносто шестая ночь
287	Восемьсот шестнадцатая ночь
291	Восемьсот тридцать вторая ночь
296	Восемьсот пятьдесят пятая ночь
300	Восемьсот семьдесят седьмая ночь
308	Восемьсот девяносто девятая ночь
312	Девятьсот двадцать четвёртая ночь
317	Девятьсот тридцать восьмая ночь
322	Девятьсот пятьдесят шестая ночь
328	Девятьсот семьдесят седьмая ночь
336	Девятьсот девяносто пятая ночь
343	Ночь, первая после тысячи и последняя в книге
349	Рассказ о царе Шахрияре и Шахразаде (заключение)

Предисловие

Без малого два с половиной столетия прошло с тех пор, как Европа впервые познакомилась с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в вольном и далеко не полном французском переводе Галлана, но и теперь они пользуются неизменной любовью читателей. Течение времени не отразилось на популярности повестей Шахразады; наряду с бесчисленными перепечатками и вторичными переводами с издания Галлана вплоть до наших дней вновь и вновь появляются публикации «Ночей» на многих языках мира в переводе прямо с оригинала. Велико было влияние «Тысячи и одной ночи» на творчество различных писателей — Монтескьё, Виланда, Гауфа, Теннисона, Диккенса. Восхищался арабскими сказками и Пушкин. Впервые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского, он заинтересовался ими настолько, что приобрёл одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке.

Трудно сказать, что больше привлекает в сказках «Тысячи и одной ночи» — занимательность сюжета, причудливое сплетение фантастического и реального, яркие картины городской жизни средневекового арабского Востока, увлекательные описания удивительных стран или живость и глубина переживаний героев сказок, психологическая оправданность ситуаций, ясная, определённая мораль. Великолепен язык многих повестей — живой, образный, сочный, чуждый обиняков и недомолвок. Речь героев лучших сказок «Ночей» ярко индивидуальна, у каждого из них свой стиль и лексика, характерные для той социальной среды, из которой они вышли.

Что же такое «Книга тысячи и одной ночи», как и когда она создавалась, где родились сказки Шахразады?

«Тысяча и одна ночь» не есть произведение отдельного автора или составителя, — коллективным творцом является весь арабский народ. В том виде, в каком мы её теперь знаем, «Тысяча и одна ночь» — собрание сказок на арабском языке, объединённых обрамляющим рассказом о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе новую жену и наутро убивал её. История возникновения «Тысячи и одной ночи» до сих пор далеко не выяснена; истоки её теряются в глубине веков.

Первые письменные сведения об арабском собрании сказок, обрамлённых повестью о Шахрияре и Шахразаде и называвшемся «Тысяча ночей» или «Тысяча одна ночь», мы находим в сочинениях багдадских писателей X века — историка аль-Масуди и библиографа ан-Надима, которые

говорят о нём как о давно и хорошо известном произведении. Уже в те времена сведения о происхождении этой книги были довольно смутны и её считали переводом персидского собрания сказок «Хезар-Эфсане» («Тысяча повестей»), будто бы составленного для Хумаи, дочери иранского царя Ардешира (IV век до н.э.). Содержание и характер арабского сборника, о котором упоминают Масуди и ан-Надим, нам неизвестны, так как он не дошёл до наших дней.

Свидетельство названных писателей о существовании в их время арабской книги сказок «Тысяча и одна ночь» подтверждается наличием отрывка из этой книги, относящегося к IX веку. В дальнейшем литературная эволюция сборника продолжалась вплоть до XIV–XV веков. В удобную рамку сборника вкладывались всё новые и новые сказки разных жанров и разного социального происхождения. О процессе создания таких сказочных сводов мы можем судить по сообщению того же ан-Надима, который рассказывает, что старший его современник, некий Абд-Аллах аль-Джахшияри — личность, кстати сказать, вполне реальная — задумал составить книгу из тысячи сказок «арабов, персов, греков и других народов», по одной на ночь, объёмом каждая листов в пятьдесят, но умер, успев набрать только четыреста восемьдесят повестей. Материал он брал главным образом от профессионалов-сказочников, которых сзывал со всех концов халифата, а также из письменных источников.

Сборник аль-Джахшияри до нас не дошёл, не сохранились также и другие сказочные своды, называвшиеся

«Тысяча и одна ночь», о которых скупо упоминают средневековые арабские писатели. По составу эти собрания сказок, по-видимому, отличались друг от друга, общим у них было лишь заглавие и сказка-рамка.

В ходе создания таких сборников можно наметить несколько последовательных этапов.

Первыми поставщиками материала для них были профессиональные народные сказители, рассказы которых первоначально записывались под диктовку с почти стенографической точностью, без всякой литературной обработки.

Большое количество таких рассказов на арабском языке, записанных еврейскими буквами, хранится в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, древнейшие списки относятся к XI–XII векам. В дальнейшем эти записи поступали к книготорговцам, которые подвергали текст сказки некоторой литературной обработке. Каждая сказка рассматривалась на этой стадии не как составная часть сборника, а в качестве совершенно самостоятельного произведения; поэтому в дошедших до нас первоначальных вариантах сказок, включённых впоследствии в «Книгу тысячи и одной ночи», разделение на ночи ещё отсутствует. Разбивка текста сказок происходила на последнем этапе их обработки, когда они попадали в руки компилятора, составлявшего очередной сборник «Тысячи и одной ночи». При отсутствии материала на нужное количество «ночей» составитель пополнял его из письменных источников, заимствуя оттуда не только мелкие рассказы и анекдоты, но и длинные рыцарские романы.

Последним таким компилятором был и тот неизвестный по имени учёный шейх, который составил в XVIII веке в Египте наиболее позднее по времени собрание сказок «Тысячи и одной ночи». Самую значительную литературную обработку получили сказки также в Египте, двумя или тремя столетиями раньше. Эта редакция XIV–XVI веков «Книги тысячи и одной ночи», обычно называемая «египетской», — единственная, сохранившаяся до наших дней, — представлена в большинстве печатных изданий, а также почти во всех известных нам рукописях «Ночей» и служит конкретным материалом для изучения сказок Шахразады.

История изучения переводов «Книги тысячи и одной ночи» в России может быть изложена очень кратко.

До Великой Октябрьской революции русских переводов непосредственно с арабского не было, хотя переводы с издания Галлана начали появляться уже в 60-х годах XVIII века. Лучший из них — перевод Ю. Доппельмайер, вышедший в конце XIX века.

Несколько позже был напечатан перевод Л. Шелгуновой, выполненный с сокращениями с английского издания Лэна, а лет через шесть после этого появился анонимный перевод с издания Мардрюса — самый полный из существовавших тогда сборников «Тысячи и одной ночи» на русском языке.

В 1929–1938 годах был опубликован восьмитомный русский перевод «Книги тысячи и одной ночи» непосредственно с арабского, сделанный М. Салье под редакцией академика И.Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

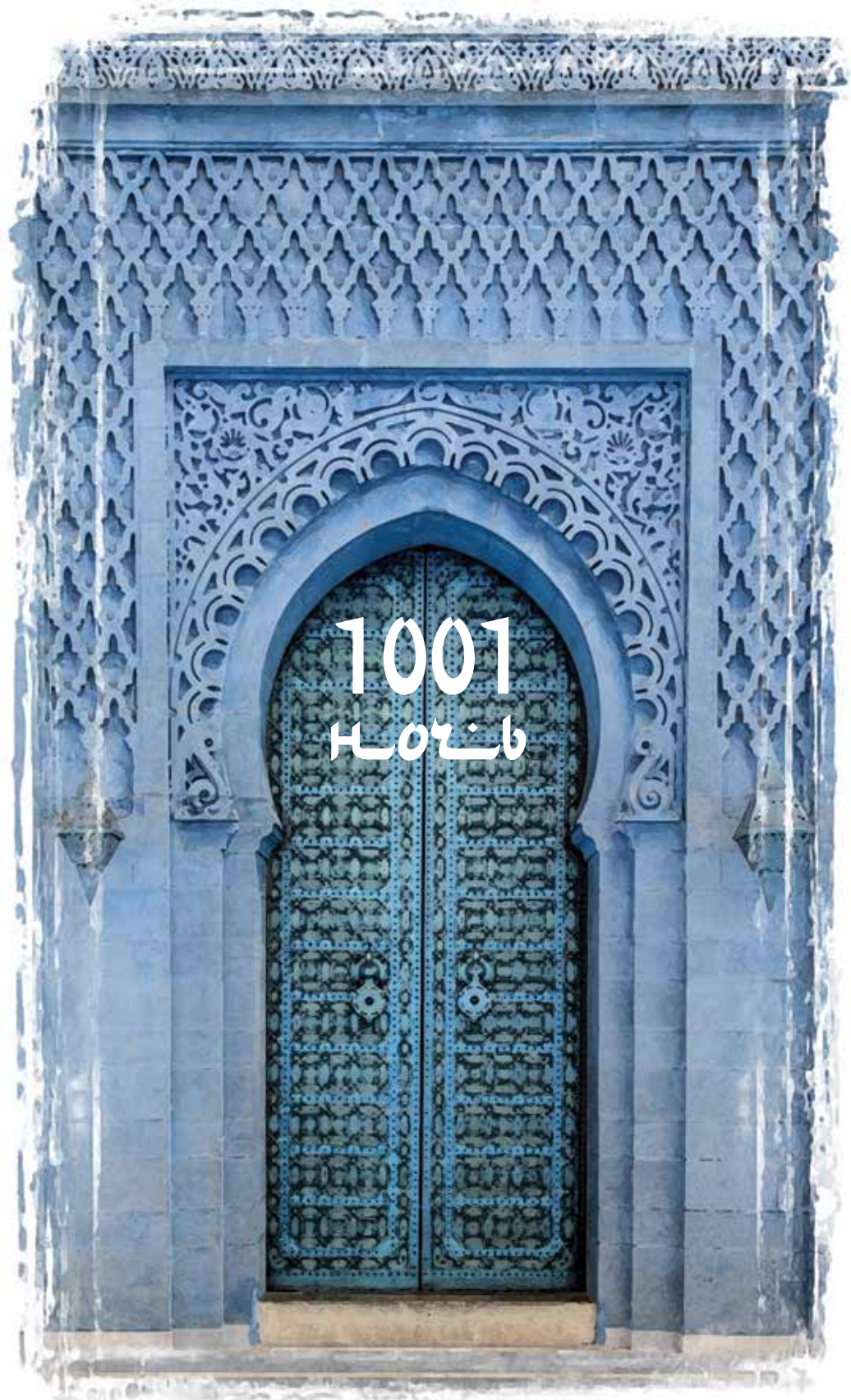
ПРЕДИСЛОВИЕ

Переводчик и редактор стремились по мере сил сохранить в переводе близость к арабскому оригиналу как в отношении содержания, так и по стилю. Лишь в тех случаях, когда точная передача подлинника была несовместима с нормами русской литературной речи, от этого принципа приходилось отступать. Так, при переводе стихов невозможно сохранить обязательную по правилам арабского стихосложения рифму, которая должна быть единой во всём стихотворении, переданы лишь внешняя структура стиха и ритм.

Предназначая эти сказки исключительно для взрослых, переводчик остался верен стремлению показать русскому читателю «Книгу тысячи и одной ночи» такой, как она есть, и при передаче непристойных мест оригинала. В арабских сказках, как и в фольклоре других народов, вещи наивно называются своими именами, и в большинство скабрёзных, с нашей точки зрения, подробностей не вкладывается порнографического смысла, все эти подробности носят характер скорее грубой шутки, чем нарочитой непристойности.

М. Салье

1001
بازار

Сказка о купце и духе

Первая ночь

Шахразада сказала: «Рассказывают, о счастливый царь, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вёл большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И, съев финик, он кинул косточку — и вдруг видит: перед ним ифрит высокого роста, и в руках у него обнажённый меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моего сына!» — «Как же я убил твоего сына?» — спросил купец. И ифрит ответил: «Когда ты съел финик и бро-

сил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту». — «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! — воскликнул купец. — Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!» — «Я непременно должен тебя убить», — сказал джинн и потянул купца и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его. И купец заплакал и воскликнул: «Вручаю своё дело Аллаху! — и произнёс:

Два дня у судьбы: один — опасность, другой — покой;
И в жизни две части есть: та — ясность, а та — печаль.
Скажи же тому, кто нас превратной судьбой корит:
«Враждебна судьба всегда лишь к тем, кто имеет сан.

Не видишь ли ты, как вихрь, к земле пригибающий,
Подувши, склоняет вниз лишь крепкое дерево?
Не видишь ли — в море труп плывёт на поверхности,
А в дальних глубинах дна таятся жемчужины?

И если судьбы рука со мной позабавилась
И гнев её длительный бедой поразил меня,
То знай: в небесах светил так много, что счесть нельзя,
Но солнце и месяц лишь из-за них затмеваются.

И сколько растений есть, зелёных и высохших,
То камни кидаем мы лишь в те, что плоды несут.
Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не страшился ты, судьбой приносимого.»

А когда купец окончил эти стихи, джинн сказал ему: «Сократи твои речи! Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя!» И купец сказал: «Знай, о ифрит, что на мне лежит долг, и у меня есть много денег, и дети, и жена, и чужие залого. Позволь мне отправиться домой, я отдам долг каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года. Я обещаю тебе и клянусь Аллахом, что вернусь назад, и ты сделаешь со мной, что захочешь. И Аллах тебе в том, что я говорю, поручитель».

И джинн заручился его клятвой и отпустил его, и купец вернулся в свои земли и покончил все свои дела, отдав должное, кому следовало. Он осведомил обо всём свою жену и детей, и составил завешание, и прожил с ними до конца года, а потом совершил омовение, взял подмышку свой саван и, попрощавшись с семьёй, соседями и всеми родными, вышел, наперекор самому себе; и они подняли о нём вопли и крики.

А купец шёл, пока не дошёл до той роши (а в тот день было начало нового года), и когда он сидел и плакал о том, что с ним случилось, вдруг подошёл к нему престарелый старец, и с ним, на цепи, газель. И он приветствовал купца и пожелал ему долгой жизни и спросил: «Почему ты сидишь один в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И купец рассказал ему, что у него случилось с ифритом, и старец, владеец газели, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя честность

истинно велика, и рассказ твой изумителен, и будь он даже написан иглами в уголках глаза, он послужил бы наиданием для поучающихся!»

Потом старец сел подле купца и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не уйду от тебя, пока не увижу, что у тебя случится с этим ифритом!» И он сел возле него, и оба вели беседу, и купца охватил страх и ужас, и сильное горе, и великое раздумье, а владелец газели был рядом с ним. И вдруг подошёл к ним другой старец, и с ним две собаки, и поздоровался (а собаки были чёрные, из охотничьих), и после приветствия он осведомился: «Почему вы сидите в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И ему рассказали всё с начала до конца; и не успел он как следует усесться, как вдруг подошёл к ним третий старец, и с ним пегий мул. И старец приветствовал их и спросил, почему они здесь, и ему рассказали всё дело с начала до конца, — а в повторении нет пользы, о господи мои, — и он сел с ними. И вдруг налетел из пустыни огромный крутящийся столб пыли, и когда пыль рассеялась, оказалось, что это тот самый джинн, и в руках у него обнажённый меч, а глаза его мечут искры. И, подойдя к ним, джинн потащил купца за руку и воскликнул: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моё дитя, последний вздох моего сердца!» И купец зарыдал и заплакал, и три старца тоже подняли плач, рыданья и вопли.

И первый старец, владелец газели, отделился от прочих и, поцеловав ифриту руку, сказал: «О джинн, венец царей джиннов! Если я расскажу тебе, что у меня слу-